

ЗИНАИДА ГИППИУС

ВСЕ ПРОТИВ
ВСЕХ

Зинаида Николаевна Гиппиус

Все против всех

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25905341

Аннотация

«Как всякое явление в литературе, слишком новое и независимое, «Вопросы жизни», молодой журнал, издающийся с прошлого года в Петербурге, у нас тщательно и недружелюбно замалчивают...»

Содержание

I	4
II	7
III	12

Зинаида Гиппиус

Все против всех

I

Как всякое явление в литературе, слишком новое и независимое, «Вопросы жизни», молодой журнал, издающийся с прошлого года в Петербурге, у нас тщательно и недружелюбно замалчивают.

Тут сказывается умственный консерватизм наших радикалов.

Нет сомнения, что «Вопросы жизни» – орган прогрессивный, «красный», более яркого красного цвета, чем наши румяные или только изрумяненные, постепенно линяющие, бледно-розовые либеральные старички, которые тщетно стараются сохранить неизменным цвет лица своего и цвет своих мыслей с блаженной памяти шестидесятых годов. Боязливым и недоверчивым взором косятся они на своего юного собрата – не ко двору ты нам, Бог с тобой. Метафизика, мистика, религия – все это реакцией попахивает. Нет, уж лучше мне по старинке...

И проходят мимо, несколько павшею на ноги, но все еще молодевающею поступью, как настоящие генералы, а за генералами следует армия, удивительно приученная военной

дисциплине.

А жаль, потому что новый журнал – очень серьезное, не только литературное, но и общественное явление.

Если бы нужно было определить его двумя словами, то можно бы сделать это формулой: *переход от позитивной к религиозной общественности*.

Задача – в высшей степени трудная. Тут прежде всего трудность теоретическая – сопротивление всей русской и европейской общественности, которая вся насквозь в своем сознательном или бессознательном уклоне – антирелигиозна; сопротивление всего исторического христианства, которое все насквозь антисоциально, противообщественно, а если и общественно, то в самом жалком реакционном смысле.

Еще неодолимее трудность практическая, особенно у нас, в России, где связь религии с реакцией – не отвлеченная, а самая реальная, кровная, иногда кровавая. Говорить о ней все равно, что говорить о веревке в доме повешенного.

Чтобы разрубить этот проклятый Гордиев узел, нужны не только сильные, но и чистые руки; чтобы преодолеть этот низменный реализм, нужен высокий идеализм в самом благородном смысле этого слова; наши «идеалисты» были настоящими идеалистами, именно в этом смысле. Вероятно, злейшие враги их, от которых они претерпели столько несправедливых гонений вплоть до обычного укора в политическом отступничестве, – согласятся, по крайней мере, в тайне совести своей, что у наших идеалистов руки были в

достаточной степени чисты для этого чистого дела. И каков бы ни был успех или неуспех, уже самый почий имеет великое значение, которое рано или поздно будет оценено по достоинству. Такие усилия не могут пропасть даром.

Другое достоинство «Вопросов жизни» – культурность. В журналистике нашей издавна повелось так, что вечные культурные ценности – наука, философия, искусство, художественная литература – приносятся в жертву не только вечным, но и временным злободневным политическим целям, «тактике и практике», по выражению Бакунина. Слишком строго судить за это нельзя, потому что в России от политики действительно зависит все, и тут беда не столько в том, что культурой жертвуют политике, сколько в том, что это делают с чересчур легким сердцем, без достаточного сознания, как велика и ответственна жертва. Этого греха на «Вопросах жизни» нет; для них культура не только средство, но и цель, не только орудие политики, но и самостоятельная, вечная ценность. От того, что есть, журнал стремится к тому, что должно быть, к тому, чтобы не культура служила политике, а, наоборот, культуре – политика.

Ввиду этих двух достоинств, общественного и культурного, можно сказать с уверенностью: «Вопросы жизни» – лучший из русских журналов.

II

Таков актив, теперь подведем и пассив.

По всей вероятности, сами руководители «Вопросов жизни» сознают, что религиозная общественность для них только благое пожелание, *pium desiderium*, а не совершившийся факт. Между религиозной и общественной стороной журнала существует неразрешенное, может быть, неразрешимое противоречие.

То, что внутренние обозрения г. Штильмана, которые, главным образом, и придают радикальное направление журналу, не имеют никакого отношения к его религиозному существу – это бы еще с полгоря. Тут противоречие слишком явное, внешнее; опаснее противоречия внутренние в самом этом религиозном существе, и, наконец, всего опаснее те внешние, преждевременные и обманчивые соглашения, которыми прикрываются более или менее удачно эти противоречия.

Одно из них – «христианская политика» С. Н. Булгакова. Я не сомневаюсь и в том, что он искренний политик; но я не вижу, чем христианство изменило его политику и чем политика изменила его христианство. Какими были они врозь, такими и продолжают быть вместе. До своего христианского обращения Булгаков был политическим радикалом и точно таким же радикалом остался и после. Произошло соедине-

ние не внутреннее, органическое, а внешнее, механическое, даже не соединение, а соединительство, в котором оба начала взаимно непроницаемы. Сколько ни взбалтывай и ни смешивай масла с водою, стоит им устояться, чтобы вода опустилась, а масло всплыло наверх: они рядом, но не одно.

Во всей политической деятельности Булгакова чувствуется несколько неуклюжая, неповоротливая, но большая умственная и нравственная сила. Он умеет хотеть того, чего хочет: это в наши дни редкое свойство. Но в душевном складе его есть черта опасная: отсутствие всякой внутренней трагедии, чрезмерное умственное благополучие. Вся его трагедия внешняя – несоответствие идеала с действительностью. Когда Булгаков говорит, то кажется, вокруг него плохо, а в нем самом как нельзя лучше. Ему спокойно за Вл. Соловьевым, как за каменной горою. Пифагорейское – *ipse dixit* – сам сказал ограждает ученика от всяких умственных треволнений и бурь. Гете заметил, что человеку, чтобы вступить во владение духовным наследством, недостаточно получить его от предков, надо и самому приобрести снова. Иногда кажется, что Булгаков получил от Вл. Соловьева наследство, но сам не приобрел его, не выстрадал. Я говорю: кажется, – потому что, на самом деле, под этим внешним благополучием может быть и совершается внутренняя трагедия, только мы ее не видим, он сам ее не видит, скрывает от себя и от других, отрещивается от нее. И напрасно делает. Если семя не умрет, то не оживет. Мы знаем, чем Булгаков жив, но от чего он

умер – не знаем. Или он жил, не умирая?

Булгаков и Бердяев – это уже не вода и масло, а вода и огонь. Только совершенным невниманием к литературной личности обоих писателей можно объяснить то, что наша критика соединила их в неразлучную парочку каких-то сямских близнецов идеализма. Если Булгаков опасно здоров, то Бердяев опасно болен; если у Булгакова – отсутствие трагедии, чрезмерное благополучие, то у Бердяева такая трагедия, что за него страшно – выйдет ли он жив из нее. Это та же самая трагедия, как у всех главных героев Достоевского – от Ставрогина до Ивана Карамазова: бесконечное раздвоение ума и сердца, воли между бездною верхнею и нижнею, между «идеалом Мадонны и идеалом Содомским», как выражается Дмитрий Карамазов. Для того, чтобы достигнуть религиозного соединения, надо пройти до конца эту трагедию метафизической двойственности; но горе тому, кто слишком долго на ней останавливается, кому она слишком нравится. Бердяев от нее страдает, но вместе с тем любит ее, – чем больше страдает, тем больше любит. Ищет выхода, но если бы нашел его, то, может быть, не захотел бы, предпочел трагическую безвыходность. Он видит весь ужас того, что с ним происходит, но ужас для него сладостен, может быть, сладостнее спасения. Как у эстетов – искусство для искусства, так у Бердяева – трагедия для трагедии.

Булгаков остановился на Вл. Соловьеве и не хочет или не может идти дальше. Бердяев как будто вечно куда-то идет,

а на самом деле только ходит, движется однообразным круговым движением на собственной оси, колеблется, как маятник, справа налево, слева направо, от Ормузда к Ариману, от Аримана к Ормузду – и так без конца, пока ось не перетрется или пружина маятника не лопнет, тогда он остановится на той самой точке, с которой началось это никуда не приводящее, неподвижное движение.

О Бердяеве можно сказать то же, что Кириллов говорит о Ставрогине: «Когда он верит, то не верит, что верит, а когда не верит, то не верит, что не верит».

По некоторым признакам я надеюсь, что Бердяев, наконец, преодолеет свою трагедию – сорвется со своей оси и устремится уже окончательно вправо или влево, к Ормузду или Ариману. Я даже надеюсь, что он пойдет именно туда, куда следует, вправо, а не влево. И тогда только покажет, на что способен и какая религиозная сила была связана в этом трагическом бессилии двойственности. Тогда, может быть, и для Булгакова он будет нужнее, чем кто-либо, а пока – нет человека более ненужного, более вредного для Булгакова, чем Бердяев, и для Бердяева, чем Булгаков. Кажется, лучшее, что они могли бы сделать сейчас, – это вступить в открытый умственный поединок на жизнь и смерть: может быть, слишком благополучный монизм Булгакова раскололся бы, столкнувшись со слишком неблагоприятным дуализмом Бердяева и от удара этих двух скрещенных шпаг зажглась бы искра того подлинного, религиозного огня, кото-

рый так нужен обоим. А есть с одного блюда, спать на одном ложе, подобно сямским близнецам, внутренне будучи на ножах, – надо удивляться, как это им обоим, наконец, не опротивело.

Такой же дурной мир, который хуже доброй брани, как между Булгаковым и Бердяевым, – между Бердяевым и Волжским, между Шестовым и Вяч. Ивановым, между всеми идеалистами и всеми христианами, между христианами и декадентами, между декадентами и общественниками. Многие даже не видят друг друга в лицо, но если бы увидели, то возненавидели бы. Каждый за себя, и все против всех.

III

А может быть, и хуже того: не все против всех, а никому ни до кого дела нет, и «Вопросы жизни» – не будущее поле сражения, а самая спокойная, удобная квартира, великолепные меблированные комнаты «для солидных жильцов» или изящная гостиница в «новом стиле». Жильцы сидят у себя, всякий в своем отдельном углу. У себя они свободны делать что угодно, лишь бы не беспокоили через стены соседей. Внутренних дверей между комнатами нет – все двери в коридор. При входе жильцы редко встречаются. И через стены действительно не беспокоят друг друга. Может быть, многие и не интересуются, кто живет рядом, – лишь бы своя комната была прибрана. Большой зал приспособлен под «общественников». Их живет несколько вместе и не ссорятся. А дальше все номера, роскошные «отдельные кабинеты» скептиков и уютные спальни, келийки мистиков. Как и почему в этой же квартире очутилось «отделение изящной литературы», и самой новейшей, в подавляющем большинстве, декадентской (Сологуб, Ремизов, Блок), – совершенная загадка. Ни один декадент, я думаю, и мимо двери Бердяевской комнаты не проходил, о зале «общественников» и говорить нечего. Декадент одинаково не подозревает существования индивидуалистов и общественников и даже другого соседнего декадента. Ему бы на зеленый луг с бесклиновскими ки-

парисами, нимфами и кентаврами, а он – в мебелированных комнатах. Впрочем, ему все равно. Здесь так здесь. Ему никто не мешает.

Единственный в «Вопросах жизни», кто добросовестно соединяет несоединимое, правда, не столько людей и понятия, сколько слова, это – г. Чулков; причем, без всякого злого умысла, а как-то невинно и нечаянно он самые юные и чистые из них лишает девственности. Было, например, юное слово: анархизм и другое еще более юное: мистицизм; г. Чулков соединил их – и получился «мистический анархизм». Что это такое? Казалось бы, сочетание таких противоположных крайностей должно произвести нечто в высшей степени опасное, взрывчатое, вроде бомбы, начиненной динамитом. Ничуть не бывало. Получился не динамит, а очень пикантное, новое, литературное кушанье, пряный соус, от которого может слегка расстроиться желудок, но уж, конечно, никакого взрыва не произойдет. Дело в том, что г. Чулков стряпает свои соединения не в лаборатории взрывчатых веществ, а в самой безопасной, усовершенствованной гигиенической кухне. Здесь, в одной кастрюльке, с наивной старательностью, варит он мистицизм с декадентством, софианство Вл. Соловьева с оргиазмом Вяч. Иванова и посыпает их сахаром социализма, думая, что это анархическая соль. Но беда не велика, сойдет и сахар за соль, ведь все хозяйство в «новом стиле», так что все ко всему готовы и никто ничему не удивляется. Вот разве только в общем коридоре, который

плохо проветривается, потому что все двери в номера всегда плотно закрыты, – иногда слишком пахнет Чулковской кухней...

Я смеюсь, но мне грустно. Я люблю «Вопросы жизни», уже потому люблю, что в них есть и моего меду капля. Они выросли на могиле «Нового пути». Но, любя «Вопросы жизни», я не знаю, чего бы желать им больше, счастливого долгоденствия или скорого трагического конца, может быть, даже самоубийственного. Кажется, я предпочел бы для них последнее, именно потому, что я их люблю. Ну что за радость, в самом деле, – в этом смещении языков, внутренней войне всех против всех под внешним благополучием меблированных комнат? Есть прекрасный журнал, или, вернее, есть ряд прекрасных альманахов-сборников под общим заглавием, но нет действительно общего общественного и религиозного дела. Уж пусть бы лучше все участники этого мнимого дела разошлись окончательно; тогда, может быть, некоторые из них впоследствии и вернулись бы друг к другу и сошлись бы тоже окончательно.

По всей вероятности, для такого нового соединения «Вопросы жизни» непригодны, и нужен совсем новый журнал, новое дело. Оно, впрочем, и естественно: нельзя же вечно задавать «вопросы»; в июне – «вопросы», в июле – «вопросы», в августе – «вопросы»; надо же когда-нибудь и ответить.

Будем надеяться, что ответом на «Вопросы жизни» будет вестник жизни, дело еще не родившееся, но уже зачатое, ко-

торому и следует от всего сердца, не как близкому только, а как своему собственному родному делу, сказать: Бог в помощь!